

Владимир Подгорнов

Мы путешники

Избранные
стихотворения

Владимир Николаевич Подгорнов

Мы путники. Избранные стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096227

Мы путники:

ISBN 978-5-88010-519-9

Аннотация

Главной отдушиной в жизни В.Н. Подгорнова были стихи. В них он выразил себя полностью: это и тончайшие зарисовки природы, и любовная лирика, и очень важные для современного общества философско-этические темы.

Книгу можно рекомендовать любым поколениям, болеющим за судьбы России, но в большей степени молодым людям, стремящимся улучшить положение в стране и вывести её на достойное место в мире без войн и ненависти.

Содержание

Вместо вступления	7
Стихи 1950–1960	8
«Временами, почти...»	8
«Я на тебя случайно наступил...»	12
«Земля рвалась, как норовистый конь...»	13
«Человечьих россыпей старатель...»	14
«...А там —...»	15
«...Кто вы, тёмные тени...»	17
«Чёрные шхуны, хищные шхуны...»	19
«В чистом поле камень лежит —...»	21
«...Был остров на Днепре, комары и лес, протянувший...»	22
«...А когда за острия тополей цеплялась ночь – мягкая...»	23
«...Базар был зелёным в чёрную полосу, и обсмоленные...»	24
«Сижу один на лавочке и жадно...»	25
«О чём мы спорили...»	27
«Безоблачный взгляд отшельника...»	30
Стихи 1960–1970	34
«Это – было так. Это – так было...»	34
Песни Брандана	37
Монолог человека, испорченного классиками	40

Видение	43
«...И в тишине...»	44
«Бью челом вам, донкихоты...»	45
«Да будет так...»	47
«Чем мне, бродяге, поэту, солдату —...»	49
«Ночи, развевая гривы...»	50
«То есть любовь...»	51
«...Но ты поймёшь, о Навзикая...»	52
«Когда...»	55
«Как дым...»	59
Леший	61
«Пришелец. Прохожий. Таков я...»	63
Вверхногамия	65
«...С утра, бессонницей измотан...»	67
«Зима... Будь проклята зима...»	69
«...Необщей меркою измерен...»	70
«Четвёртый час...»	73
Богемия. Катастрофа. 1938	75
«А день становится вчерашним...»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Владимир Николаевич
Подгорнов
Мы путники

© Подгорнов В.Н., 2018

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2018

Вместо вступления

Ты, взявший это в руки, – не спеши перевёртывать страницу. Там, за ней, тебя ждёт неведомая страна. Не ищи её на картах – это моя страна, моя ЭМАЙН – далёкая и близкая, моя ЭМАЙН многоцветная...

Ты в ней гость – и веди себя в ней так, как пристало гостю вести себя в чужой стране: пройди по ней лёгкими шагами, глубокими глазами глядя вокруг, – иди медленно, гляди долго и – постарайся понять её... Много странного и непонятного увидишь ты; многое покажется тебе плохим или хорошим; но не спеши судить. Хорошая она или плохая – это моя страна, моя ЭМАЙН единственная.

Входи же...

Стихи 1950–1960 (Херсон – Одесса)

«Временами, почти...»

Временами, почти
неслышимый,
громыхал на западе
фронт.
...Дом стоял —
без дверей,
без крыши,
в окнах —
небо —
с обеих сторон.
Из углов
обугленных комнат
взрывом выметнулась
лобода¹...
Этот дом
мы, как детство,
помним —
здесь

¹ Лобода (укр.) – лебеда (трава).

в войну
мы играли тогда.
У его обожжённой стены
той лохматой
бузинной весной
мы свой день
начинали с войны,
с войны
и заканчивали
войной.

...В ту весну
поезда привезли
Победу,
и какой-нибудь
дяденька-командир
нас в охапку сгребал
на платформе распетой,
крича непонятное слово:
– Мир!

...Всё осталось
таким же самым...
Лишь,
задумчивы и тихи,
у калиток
подолгу стояли
мамы
и прощали нам
все грехи,
лишь захлёбывались

улиц излучины
улыбающимися людьми...
И кто-то сказал,
проходя:
– Вы бы лучше
поиграли, ребята,
в Мир...
...Потом мы жарко
и бестолково
разбирались
в дальнем углу двора:
– Почему все твердят
это странное слово?
Что за «МИР»,
и как нам
в него играть?
Но так и не справились
с этим вопросом,
и опять закипели бои у стены...
Что же было нам делать?
Тогда мы просто
ничего не знали,
кроме войны...
И сейчас —
мы хотим,
чтоб не дыбилось полымя,
распластав
голубиную тишину,
и чтоб наши сыны

не ломали головы,
не умея играть в войну.
А те,
кто нынче
каркает вороном,
пусть запомнят:
нас нелегко согнуть.
Мы в войну рождены
и войною вскормлены,
и с нами не стоит
играть в войну!..

«Я на тебя случайно наступил...»

Я на тебя случайно наступил,
рогатой каски скрюченный обломок...

Кто потерял тебя в моей степи,
по ней ступая грубо и весомо?

Вокруг тебя проржавела трава,
поражена коричневой заразой,

как та, в тебя влитая голова,
что разлетелась здесь

с тобою разом.

Что, как короною, тобой венчала лоб —
свой гладкий лоб – без мысли, без морщинки...

Вы шли сюда? Вы здесь. И ветер зло
швыряет в вас колючие песчинки...

– Чего ж вы ждали? Вы своё нашли.

Сполна. На этом самом месте...

...Чужая каска из чужой земли,
ты даже у земли не в чести...

Тебя моя не приняла земля.

– У нас и своего довольно хлама!..

...Я тем, кто снова, память потеряв,
грозит прийти, пошлю тебя.

– На память!

«Земля рвалась, как норовистый конь...»

Земля рвалась, как норовистый конь,
как палуба в десятибаллье шторма —
но две ноги расставя широко,
шагал он – отклонением от нормы...
Он шёл на двух. Впервые шёл. Один,
ловя в недобром ропоте собратьев
свой приговор: «Отступник! Уходи!
Ты – не как все!.. И нет тебе возврата...»
Он чуял за спиною их оскал.
Но – уходил, коряво спину горбя.
И дыбилась земля... А он – шагал!
Уже познал он человечью гордость...
И лёгкие вздувая, как меха,
её, вскалённую до синего каленья,
он нёс на двух. Один. Через века...
На злобу тем, что шли на четвереньках!..

«Человечьих россыпей старатель...»

Человечьих россыпей старатель,
я вгрызаюсь в грязные дебри...
В кровь ладони! В лохмотья платье!
Усталый – я не устану верить,
что когда-то из этой грязи,
из никчемной грубой руды
вдруг искупленьем моим проглянет
алмаз чистейшей воды...
И я его осторожно, как Солнце,
поглажу тяжёлой и нежной рукою...
Хлещи, вгоняй меня в дрожь, бессонница!
Мне, одержимому, – нету покоя!

«...А там —...»

...А там —
растут подсолнухи под солнцем,
на всё восстав...
И каплет солнце
солоно
и сухо
в сухой песок.
Акации, как серые старухи,
бредут в Херсон...
Скрипят от пыли алые ресницы.
Ни ветерка...
И может – это снится. Только снится,
но – солнце солоно стекает по щекам...
И голова моя —
как хлеб в печи набухла.
Кричи – не слышно.
Проклинай и плачь,
но – в горле сухо, и глазницы вспухли,
и в темя – раскалённая игла...
И на часах – тысячелетний полдень.
Вперёд – дороги нет.
Назад – обрублен путь.
Земля не вертится!.. Мир солнцем переполнен,
и – ни нырнуть,
и – ни передохнуть,

ни сдохнуть...

Ни исхода, ни прощенья —
хрипит от жажды автомата зев,
вскипает Днепр...

Жара

охотится за тенью —
и в щели тень ползёт...

И о грозе

молюсь, вздымая факелы ладоней,
богам, чертям, стихиям – наплевать!..

Я выдержу.

Я – пламенный подсолнух,
но у корней моих
горит трава...

«...Кто вы, тёмные тени...»

...Кто вы, тёмные тени?..
Кольшутся, шепчутся...
За стеною – соседи
храпят и шевелятся...
И бездушная ночь
о стёкла расплющена...
...Мне забыться невмочь
в этой комнате скрюченной.
В мир гляжу, как в кристалл —
и немеют глаза...
Кто-то очень устал
и не может сказать —
это явь или сон,
это – быть, или – быт?..
Это – чей-то висок
серой пулей пробит,
или времени бред
стынет в окнах крестом?..
Это – я или нет —
в рынок втоптаный стон?..
Это я – Ихтиандр?..
...В жабрах – копоты крик...
Где ты, мой Океан,
взрытый, крыльями рыб?
Где ты, мой Океан?..

«Чёрные шхуны, хищные шхуны...»

Чёрные шхуны, хищные шхуны
стынут на якоре в тайных лагунах,
в тихих, далёких, лунных лагунах
дремлют пиратские чёрные шхуны...
Пусто на баках, пусто на ютах,
пушки в чехлы завернулись уютно,
в кубриках тесных уснули матросы,
снятся пиратам зелёные росы,
снятся пиратам забытые страны...
...Но не спят капитаны. Не спят капитаны!..
Ждут капитаны: там, за волнами,
запляшет по небу паруса пламя,
дерзкого паруса пламя тугое —
и рухнет зачатое время покоя!..
И боцманских дудок тревожные трели
бросят матросов по трапам на рей,
и шхуны, скользнув по валам покатым,
багряному парусу станут в кильватер.
Строим торжественным и суровым
пойдут за ним к битвам и землям новым,
в гром канонад и ад абордажей
путями, которые он им укажет
сквозь звёздные шорохи океанов...
Ждут капитаны. Не спят капитаны.
Не спят, напрягая глаза устало...

...Я парус вздымаю – раскосый и алый!
«Голландцем летучим», снова ожившим, —
ужасом жадных, карою жирных!
Я правлю к заветным далёким лагунам,
где ждут меня чёрные, хищные шхуны...

«В чистом поле камень лежит —...»

В чистом поле камень лежит —
серый камень меж трёх дорог...
Там моя записана жизнь
шершавыми шрамами строк.
Я прямой дорогой скакал —
той, что счастье найти сулит.
Только камень, видно, солгал —
счастье то давно унесли!..
Я по левой пустился в путь, —
за счастье не жаль и коня!
Шёл обратно я, сердцем пуст, —
снова камень подвёл меня...
Я по правой дороге бреду.
Правду камень сказал мне, увы!
Из беды попадаю в беду —
чую: мне не сносить головы!
Обомшел тот камень уже —
как надгробье, суров и стар...
...Ты не смейся над ним в душе —
ты прочти и точку в конце поставь...

«...Был остров на Днепре, комары и лес, протянувший...»

...Был остров на Днепре, комары и лес, протянувший лапы к нашему костру... Из его первозданности возник леший. Мы угостили его сигаретой, а потом он исчез и вернулся с плетёнкой домашнего вина, тёплым караваем хлеба и банкой густого жёлтого мёда. И мы втроём ели уху – настоящую днепровскую уху, запивали её вином и наощупь били комаров, подкармливая пламя обломками веток. Леший рассказывал...

Он жил здесь со старухой-матерью и работал лесником; и он был одет в белую рубаху и заочно учился в лесу — техническом. И мы похваливали уху и запивали её вином – а рядом, кряхтя, ворочался Днепр, и из него на нас глядели звёзды...

«...А когда за острия тополей цеплялась ночь – мягкая...»

...А когда за острия тополей цеплялась ночь – мягкая, чёрная и звуконепроницаемая, как губка, из неё выползали невидимые сверчки и завладевали миром... Разбуженная луна, пытаясь разглядеть их, опускалась низко-низко и, запутавшись в ветвях у моего окна, никак не могла из них выбраться. В конце концов она застывала на месте, как огромный оранжевый абрикос...

...Тогда я засыпал, чтоб утром опять её увидеть и разглядеть поближе... Но до утра она куда-то исчезала...

«...Базар был зелёным в чёрную полосу, и обсмоленные...»

...Базар был зелёным в чёрную полосу, и обсмоленные степным солнцем дядьки шаманили вокруг зелёных в чёрную полосу пирамид, гулко звеня готовыми лопнуть от напряжения кавунами и заклинающе хрипя: – А ось крымчаки, крымчаки!.. А тут чалбасськи! Найкращи чалбасськи!.. Тильки гляньте, яки!.. Верить, люде, скільки дасте, стільки й буде! Берить, ой, берить же, бо пропаде добре!..

...И обожравшиеся кавунами базарные псы, валяясь в тени забора, сонно и равнодушно глядели, как из — под зелёно-чёрных округлых пирамид медленно плывут красные и липкие потоки сока и застывают в раскалённой пыли кровавыми лужами...

«Сижу один на лавочке и жадно...»

Сижу один на лавочке и жадно
пью улицу, текущую по Солнцу...
...Мальчишка линейкой чешет затылок...
...«Москвич», красный, как жук пожарник...
...Безбородый Мефистофель на велосипеде...
...Акулий оскал «Колхиды»...
...Дама с бегемотьей грацией...
...Испуганная трава на газонах
дрожит, когда мимо режут машины...
...Брёл человек по Солнцу
и рядом со мной сел.
И мы с ним вместе молчали...
...Толстый дядя с отчаянным видом
и рюкзаком за плечами,
а за ухо заткнута сигарета —
у кого-то, верно, стрельнул про запас...
Её всё нет...
...Малыш в очках – распахнут рот,
глазеет по сторонам...
...Стайка велосипедистов, у одного
рубашка выбилась из-под ремня,
и полы – как голубые крылья...
...Смеются...
...Через дорогу
перед почтительным фронтом машин

весёлой сороконожкой щебечет
детский сад...

...Асфальт прощёлкан следами тоненьких шпилек —
словно козы копытца у водополя...

...Шагают слесари в ржавых робах
с инструментами под рукой...

...Вслед за отливом машин
плетётся сонная фура
с дремлющим дедом на козлах...

Она уже не придёт.

И я встаю

и ныряю в Солнце...

«О чём мы спорили...»

О чём мы спорили?..

Ах, да, – о фронде.

О том, что – бунт,
что бунта – вроде нет...

А мне

в глаза пахнуло

гарью фронта,

кривым рубцом прожжённого во мне...

Мне не уйти.

Мне никуда не деться.

Мне не стереть ничем и никогда:

«Откуда я? – Из собственного детства».

А там – война.

Там с детства я – солдат.

Мне не уйти.

Кто нынче их отыщет —

развалины,

окопы,

блиндажи,

разбитой колеёй по пепелищам

в меня ведущие?..

Но почему, скажи,

мне снится

запах мокрого железа,

и едкий дух палёного жнивья,

и над истерзанным,
над выщербленным лесом —
живою сажей
хлопья воронья?..
И почему я,
на краю кювета,
схватить пытаюсь скользкую траву
и – не могу...
Ответь, откуда это?..
Но я – прорвусь...
Я вырвусь. Я – живу!..
Я верю в это.
Верю – значит, выжил.
А надо мной, как в чёртовом кругу,
замкнулось вороньё —
всё ниже, ниже...
Хочу прогнать, кричать
и – не могу...
...О чём мы спорили? Ах, да...
Скажи мне всё же,
кто я такой?..
Темнеет на дворе.
Мы пьём на кухне чай
и спорим.
Только, может,
всё это бред?
Последний, страшный бред!..
А я, хрипя,
вцепляюсь в край кювета,

и горько тлеет влажное жнивье,
и тишина звенит,
как полдень лета,
и надо мной —
кружится воронье...

«Безоблачный взгляд отшельника...»

Безоблачный взгляд отшельника
вперяю в марево мира...

Сердце кошельки замшелые

анатомирую:

скальпель зрачков бесстрастных

отсекает

от слоя

слой

возвышенную раскраску,

тусклое олово слов

и множество прочих фальшей,
нагромождённых крутой корой...

Препарирую

дальше —

добываю

Нутро!..

Коллекционирую —

клею

к небу,

слегка

синевой подкрашенному.

Хотите взглянуть?

Ведь вам

ещё не было

страшно!..

...Вон

комочек

дрожащей слизи —

Нутро

Вождя,

Гениального

и Великого.

А некто,

Народной Совестью

признанный,

носил в себе

этот номер

шпика.

Та голая,

злобно косящая крыса

из девушки

нежной,

наивной,

невинной...

И чьей-то

берцовой кости

огрызок

хранился в груди

гуманиста

видного...

У других —

медузы,

стекляшки,

печати,

скорпионы,
монеты,
собачий помёт,
кусок штукатурки,
процарапанный
словом площадным,
ключья
грязных подштанников
и знамён...
Паноптикум.
Свалка.
Лавка утильщика...
Триумфальное
шествие
прогресса
Человека!..
Анно Гомини —
почти две тысячи,
как он,
распинаем,
дабы
не воскреснуть...
Но – грядёт
из шабаша
рынков,
атомов,
Римов,
Содомов,
веков,

ПЛЕВКОВ

багровым рыком

гнев

Герострата,

мстящего

за осквернённых

богов!..

Стихи 1960–1970 (Никель, Москва, Мурманск)

«Это – было так. Это – так было...»

Это – было так. Это – так было:
были предки мои коннетаблями,
в бой ходили на чёрных драккарах,
пировали с чертями в Таргарах,
били Цезарей в Цизальпинах,
малевали охрою спины,
а на шею – клыки кабаньи...
Были предки мои рабами
и царями – не раз бывали...
Богу ведомо, как их звали!..
Знаю только, что в мире этом
род родил мой мужей и поэтов,
что под Троей грозно и мерно
рокотала арфа Гомера,
и гремела лира Брандана,
вторя голосу сына успеха,
Эгиль пел, отражая удары, —
и по фьордам дробилось эхо!..
Это – было. Боян был вещий,

старец немощный, струн касаясь,
вдруг крылами вскидывал плечи,
и казалось – сажень косая!..
И казалось – под облаками
сизый сокол кружит широко —
вот сорвётся когтистым камнем!..
...Вот бредут кобзари по дорогам —
и угрюмые скифские бабы
думы синие Запорожья
непослушными шепчут губами,
и шуршат ковыли тревожно
про Марусю и про Голоту,
про великую муку Байды...
...А гитара зовёт кого-то,
а гитара не умолкает,
то ликует, звеня,
то стонет —
колдовство,
наважденье ночное...
И с балкона нисходит донна
в сад...
А завтра я буду снова
петь под банджо,
под чёрное банджо
о любви моей Бэтси чёрной!..
Бел хозяин, как чёрт, и важен —
только Бэтси – моя девчонка.
А миледи желта от желчи
и гладильной суше доски.

Между прочим,
я б, между прочим, —
будь я он,
удавился с тоски!..
...Это было. Всего бывало...

Мне в наследство
досталось немало —
мне в наследство достались песни,
вся пещера Али-Бабы!..

Мне
волшебное слово известно,
чтоб войти в неё...

Я
там был!
Я
горстями
пересыпал их,
словно россыпи синих звёзд —
за пазухой
вам принёс
только толику,
самую малость...

Песни Брандана

I

Взошла зелёная звезда,
и вечер – тих и нем...
И время петь тебе, Брандан,
певец – скала и снег...
И будет песнь твоя терпка,
как дикий виноград,
как небо ночи, высока,
чиста, как ключ в горах...

И с нею под угрюмый свод
неслышно скорбь войдёт...

Моя шершавая ладонь,
как с дерева – кору,
один из тысячи ладов,
лишь стон сдерёт со струн...
И голос мой – давно не шёлк;
он нежность позабыл,
когда себя, как факел, жёг
я среди ненужных битв.

Пусть под угрюмый этот свод
неслышно скорбь войдёт...

Как зелена моя любовь,

как далека она!..
Как чаша, я наполнен вновь,
и вновь – не видно дна
за юной пеной! Но – седа,
седа душа на дне...
О чем, зелёная звезда,
о чём ты шепчешь мне?..

Пусть под угрюмый этот свод
неслышно скорбь войдёт...

II

Горьким, горьким было пиво,
лгали речи в этом доме,
и глаза глядели криво,
и очаг коптил недобро,
и углы таили злобу,
по-змеиному шипели...
И хотели гости, чтобы
пел Брандан. Но им – не пел я!..

Горьким, горьким было пиво,
но презреньё – пива горше!..

Ожерелья мне сулили,
кубки золота литого,
как о милости молили,
как о влаге в сушь... Не трогал

я правдивых струн. Опасно,
словно потаскуха – тело,
продавать свой дар прекрасный...
Пел для всех я. Им – не пел я!..

Горьким, горьким было пиво,
но презренье – пива горше!..

И, от ярости безумны,
за мечи они хватались,
воя. Но – молчали струны.
Но – когда и кто заставил
барда лгать себе в угоду?
Мне ли головою белой
честь пятнать? И встал я гордо
под мечами. И – запел я!..

И глаза им выжгла песня
о презрении горше пива!

Монолог человека, испорченного классиками

Я читал слишком много,
я спешил слишком часто,
я любую дорогой
не шагал безучастно —
а дороги те были
не усыпаны розами,
на дорогах тех били
семиматушной прозою,
по мозгам и по почкам,
и под дых, и лежачего,
били скопом и в ключья...
Всё, что было назначено
мне судьбою лукавой —
принимал я без ропота,
заражён идеалами
поучителей тронутых —
от Христа и Сократа
до Толстого и Маркса...

Я
родился
крылатым,
стал —
фигурой из фарса.

Я
бежал от покоя
и от дара,
что даром,

Я
щеку за щекою
подставлял под удары,

я
чужого:
– Да что вы?!

Я
своё:
– Да возьмите!..

Хоть в моей родословной
каждый предок – грабитель.

Хоть в моей родословной
не читали – рубились;
не сыскать краснослова,
но убийц – в изобилии...

Крестоносцы, варяги,
запорожцы, бароны —

между ними я
ряженный,
вроде белой вороны...

Слишком добрых и мудрых
я читал слишком много.

Стал я добрым и мудрым,
стал бараном безрогим,
незловивым, покорным,

разучившимся драться —
хоть пишите икону!..
Только – жил ли я, братцы?

Видение

Живёт средневековье во мне —
как замок тяжкий и подслеповатый,
навис над пропастью;
и на крутой стене
суровой стражи сумрачные латы;
и на закате затрубит герольд
пронзительно, надменно и беззвучно,
и дрогнут створы кованных ворот,
и призрачный кортеж по сонным ручьям
в долину молчаливо потечёт.
Черны щиты, опущены забрала,
и шаг коней размерен и могуч; и вот,
истосковавшись по врагу,
седой король торжественно и ало
нагим над головой взмахнёт мечом...

«...И в тишине...»

...И в тишине

застыну, молчалив, сосредоточен.

И что мне прошлое? Что будущее мне?

Лишь марево, лишь трепет многоточий

на кронах строк!.. Я уйду в леса,

по джунглям рифм протаптываю тропы

и продираюсь сквозь стихи; я сам —

пещерный тигр, ревущая утроба,

чей голод первобытнее Луны,

чья жажда раскалённее вулканов;

в ушах моих мурлычет гром весны —

и я рычу, и бью хвостом по скалам,

и морду жаркую сую под водопад —

кипит струя, шипя, взвиваясь паром!..

О, как я пьян! Как этой жизни рад!

Я – тигр! Я – миг! Я – торжество удара,

что, как судьба, звенящая во мне,

неотвратим, стремителен и точен!..

И что мне прошлое? Что будущее мне?!

Лишь марево, лишь трепет многоточий...

«Бью челом вам, донкихоты...»

Бью челом вам, донкихоты!
Ваш от пят я до макушки.
Мы найдём мечам работу,
к чёрту книги и подушки!..
Час пробил! В грязи свинея,
докатился мир до точки.
Обучайтесь, Дульсинеи,
класть на синяки примочки.
...Бьют от наших шлемов блики,
как перчатки, в ваши рожи.
Мы в ничтожестве – велики,
вы в величии – ничтожны!
Что с того, что, как лопаты,
ваши горсти ветряковы?
Рвутся в битву Росинанты,
растерявшие подковы!..
Пусть глупцы хохочут смачно,
пусть давно все кости ноют —
скачет рядом верный Санчо,
добрый Санчо,
толстый Санчо,
и – плевать на остальное!..
Мы очистим мир от скверны,
рухнут чары под мечами!
Будут петь про нашу верность

миннезингеры ночами,
и очами, что синее
самой синей серенады,
будут наши Дульсинеи
вдаль глядеть из-за ограды,
будут с нежною тоскою
дожидаться паладинов,
что, как пламя, беспокойны,
что суровы, словно льдины.
Будут умолять: «Останься!»
Будут плакать под луною —
будут!..
В бой, мой добрый Санчо,
Толстый Санчо,
верный Санчо,
и – плевать на остальное!..

«Да будет так...»

Да будет так,

как есть.

Да будет всё на свете —

хрусталь и сажа,

грохоты громов и снежный сосен сон,

литые строки эти и хлябь доносов,

первый луч над тьмой

и темень скорби,

и шута величье,

и мудрых слепота,

и боль любви,

и ненависти боль...

Блажен, кто ищет

себя

в других,

кто истово ловил

дыханье Истины,

разлитое повсюду,

кто сам себе, и другу, и врагу

был верен...

И враги – да будут. Что мы без них?..

Я сердце берегу

не ради смирной, праведной и скучной

юдоли; будь ниспослан мне судьбой,

мой верный враг,

как яростная туча,
что копит молнии и ждёт...
Да будет бой!..

«Чем мне, бродяге, поэту, солдату —...»

Чем мне, бродяге, поэту, солдату —
ибо таков я, знаешь сама, —
кроме любви, чем тебе воздать мне
за глаз твоих зелень и губ дурман?..
Я мог бы солгать о верности вечной,
но сам не поверю. И ты – не верь...
Будем верны, влюблены и беспечны,
покуда меж нами не хлопнет дверь.
Счастливы будем. Нежными будем.
Ласковы будем до немоты —
и всё позабудем,
насквозь позабудем —
лишь я и ты...

Благослови нас, мудрое сердце!
Мы парюю созданы, может быть,
но от судьбы никуда не деться
и не укрыться от той судьбы...
Так уж судилось – а надо б иначе;
так бы хотелось – да не суждено.
Кто-то когда-то по нас заплачет,
а не заплачет – не всё ли равно?..

«Ночи, развевая гривы...»

Ночи, развевая гривы,
в тихих окнах звёзды топят,
и рассвет неумолимо
топчет травы на востоке.
По снегам смертельно сонным,
по лесам в ледовых латах
Солнце ломится бизоном —
красноглазым и горбатым...

«То есть любовь...»

То есть любовь.

Труп логики в углу.

То есть любовь.

Да сорок тысяч братьев

любить не в силах так, как я люблю!..

То есть любовь.

Посулы и проклятья —

что в них, коль зрячий — слеп

и зряч слепец?!

То есть любовь.

И Солнце лишь соринка в её глазу.

Распят её?

Воспеть?..

Как дар принять?

Отречься и отринуть?..

Падите ниц пред ней.

То есть любовь!..

«...Но ты поймёшь, о Навзикая...»

...Но ты поймёшь, о Навзикая,
лишь ты одна. Твой кроткий свет
за мной струится и мерцает сквозь мглу...

Печален след
моей фелуки одинокой
и светел;
и когда вокруг
безумной бездны вой и хохот,
и кажется, замкнулся круг
моих скитаний по беззвездью судьбы —
я выстою, пока ты светишь...

Свети. Иначе мне не быть.

Свети!..

Слепой от яри белой,
швырнул когда-то океан
моё истерзанное тело
к твоим блистательным ногам,
девчонка,

боль моя,

богиня,

моя опора на Земле...

Я целовал глаза другие,
я знал других, добрей и злей,
цариц и девок обнимал я,
любя и не любя, —

и лишь одно,
быть может, ты и не утратишь,
когда найдёшь – поди найти, глупец, попробуй!..»

Вновь пора мне в моё Н и ч т о...

Но ты – свети!..

Свети

звездой вечной, единственной...

Иначе мне – не быть.

я расплескал
улыбки радугу – я, несносный,
радостный,
радужный барабан.

Это
нелепое
рыжее Солнце —
братец мой младший,
цыганский бог —

проснулось,
в открытое небо ломится
толпой ошалело пляшущих ног.

То-то
хохоту
будет сегодня,
когда сычи продерут глаза
в полночь,
которая
станет полднем,

когда
никто им
не сможет сказать,
где верх
и где низ,
где лево и право
и в какую я сторону
Землю верчу!

Дважды два – четыре?
Это —

не правило,
это – если я
захочу.

По случаю
сегодня
повелеваю:

всех брадобреев
обрить наголо!

Пусть
маслом репейным
обритых их
поливают,

окунув предварительно в одеколон, —
за то,
что всех под одну гребёнку
стригли

Истине вопреки!

Мир тебе,
мир мой многоребёрный,
приподымись на носки —
я наделю тебя

высшей наградой —

Жестяной Звездой

от бутылки с пивом

и осколком,
которому нету равных —

самым зелёным,

самым красивым.

Зажми в кулаке его,

к глазу приставь
и глазей вокруг,
сколько хочешь долго.

Я бы сам

поглазел,
но что будет

со звёздами,

пляшущими там,

если я,

наивный большой барабан,

вдруг умолкну?!

«Как дым...»

Как дым,
и облако,
и серебро луны —
вот,
рядом,
тут,
но удержи попробуй! —
живу среди вас,
пришелец из иных созвездий;
непонятны тропы мои вам,
и далёк, и дик напев негромкий;
и глаза тревожат
нездешним напряженьем...
Я
один из тех,
кто чудом избежал, быть может,
погибели,
кто
мир свой пережил,
чтоб стать скитальцем тихим и печальным,
чужим и чуждым всем, как Вечный Жид...
Кто знает моего пути начало,
и кто — конец?..
Увы, не я,
не я...

Леший

По Руси-росе я брожу босой,
по земной красе след мой полосой,
и звенит трава под сырой ногой...
Окунуть в рассвет головой нагой —
и свищу скворцам, и ручьи мучу,
по кривым корчам колом колочу,
и ныряю вдруг под сосновый свод,
и грибы веду хором в хоровод,
над трясины с комарьём пляшу
под осиновый, под бузинный шум...

...А за рощами, за берёзами
сарафан Заря сушит розовый,
разметала косу рожью русою...

Подберусь, затаюсь —
станет грустно мне...

Уж она ясна, уж она красна,
да меня она и не хочет знать!
Всё смеётся – нос, говорит, как кляп,
мох в ушах пророс, борода в репьях,
да и сам коряв, как столетний дуб!..

...Полюбил Зарю на свою беду.

Разгоняю грусть, ухожу в леса
и её красу уношу в глазах,
уношу в глазах счастьем и бедой —
и стоит краса в них живой водой...

«Пришелец. Прохожий. Таков я...»

Пришелец. Прохожий. Таков я,
с неба низринутый наземь.
Щебечут мои подковы
по новой и старой грязи.
Отяжелела рожа моя
заспанной сизой тучей.
А сколько ещё не прожито
этих дорог дремучих,
сколько ещё расставлено
на тропах моих капканов?..
Взгляды глухи, как ставни.
Слова тяжелы, как скалы.
Заботы нежнее пытки.
Советы как приговоры.
Заживо сто раз убит я,
вечно живущий ворон...
Меня миллионы любимых,
верность храня, предавали.
Моё вам известно имя. Мне самому – едва ли...
Грустной виолончелью звучу в опустелом доме.
Холодом дышат щели, сырые суставы ломит,
и тишина не молкнет,
шуршит, как змей чешуёю...
Загнанным в яму волком
вою.

О чём я вою?..

Вверхногамия

...И были улицы, как стылые проходы
меж серыми надгробьями домов.
Улитками закаты и восходы ползли по ним,
и чередой немой
за днями дни покорно волочили
забот и злоб угрюмые горбы...
«Будь терпеливым!» – так меня учили.

Я

слишком долго
терпеливым был.

Я слишком долго ждал.

Чего? Не знаю.

Я слишком долго верил – но зачем?!

Я слишком долго жил пустыми снами.

И вот – пляшу

свой танец на мече.

Живу, как Бог мне на душу положит,

направо все – налево я сверну,

где антимир искрится антиложью,

где вверх ногами бродит анти-гну,

совсем не «анти», а простая «лопа»,

где водопады бьют о небеса

и Солнце заглотил пузатый глобус —

раскалены, как шпильки, полюса!..

Там

продираюсь я через пустыни,
где на ветвях чирикают слоны
и на ресницах стынет иней синий —
предвестник подступающей весны;
там крокодил, паря под облаками,
то тяжело порой взмывает вниз,
то ввысь обрушится – и вспугнутые камни
хихикают; и путанные пни
по льдам, ныряя, мчатся вперегонки,
бузят, и хрюкают, и ласться ко мне...
Там я живу. Там мой лесистый город.
Моя любовь.
И свет в твоём окне...

«...С утра, бессонницей измотан...»

...С утра, бессонницей измотан,
рычу и в клочья драть готов
весь этот мир... А в окна смотрит
налитый оловом рассвет.
Втекаю в день. От грязи чёрен
снег под ногами, и во тьме
спешу.

Зачем?..

Моя работа?

«Я ВСЁ МОЁ НОШУ В СЕБЕ!..»

У всех давно в зубах навязла
моя медлительность, но – сеть
влечёт людская... Ноги вязнут
в разбитой напрочь колее,
рот полон ругани, а – лезу...

Я

миллиона тигров злей,

я

раскалённое железо

с утра,

пока сгребу в кулак

свои расхлёстанные нервы...

Не плюйся в публику.

Не трать энергии напрасно.

Сдержан,

корректен,

вежлив —

предстаю

пред тем, кого бы век не видел и не грустил...

«Мне б – интервью...»

Не дай мне Бог кого обидеть,

не дай мне Бог плеснуть в лицо болвану

яд насмешки жгучей! Не дай мне...

А, в конце концов, – давай!.. Но дуракам дремучим

так улыбаться всякий день – поверь, нещадный,

нету силы!..

Ловец идей. Творец людей.

А время – будто бы взбесилось и гонит...

К дьяволу, куда?!

И надо мной, как меч Дамоклов, – статья:

подохни, в номер дай!

... Чужих домов чужие окна чужим теплом дохнут,

а ты – прочь, прочь, бродяга, пёс бездомный!..

Глаза пусты. Мозги пусты. Усталые суставы стонут...

Хвала тебе,

подохший день!

Хвала тебе, святой полтинник!..

Автобус – плугом в борозде сопит.

Сижу. Как именинник...

«Зима... Будь проклята зима...»

Зима... Будь проклята зима!..
По-человечьи вьюга стонет...
Мир вам, сходящие с ума,
лоб уронив на лёд ладоней...
Простак, насмешник и первопроходец,
которому ваш тесный век – тюрьма,
который, чуть придя, —
опять уходит
в немую даль, в безвестие путей,
в чашобу слов, времён, личин туманных;
глупец, что гонит собственную тень
прочь от себя,
а тень чужую – манит;
завоеватель пыльных пустырей,
Колумб распахнутых вокзалов и базаров – таков я.
Замок мой сторел давным-давно...
А может – завтра.

«...Необщей меркою измерен...»

...Необщей меркою измерен,

пусть – хуже всех,

пусть – лучше всех,

что мне за дело?

Белым зверем

я по ничейной полосе

бреду ничей —

н и ч е й,

не – ч е й-т о:

не ваш,

не наш,

не голубой,

не жёлтый...

Просто – дух пещерный,

что сам себе

и сам собой,

сам по себе бредёт по свету,

бог весть, вперёд или назад,

направо, влево...

Безответно

бредёт, куда глядят глаза.

Но вот – глаза...

Вы их – видали?

Вы заглянули в них хоть раз?..

Там стыннут дали, дали, дали...

И ледяных небес кора
прогнулась тонко и упруго —
неутолимая тоска
так жадно ловит
отблеск друга
в ладони вогнутых зеркал...
Далёкий, слабый отблеск звёздный;
а ночь – темна, а ночь – тесна,
и может – рано, может – поздно,
и может – ранена весна,
и может – другом был Иуда,
и жжёт слюнявый поцелуй
мой лоб...

Всё может быть.

Откуда,

кто мне протянет хрупкий луч?

Не цепь,

не пута²,

не ошейник,

а просто – луч из глубины?

...Пиры,

победы,

пораженья —

какие сны!..

Пустые сны

пустоголовых пустозвонов.

А жизнь – проста.

Беззлобна жизнь,

² Пута (лат., др. – инд.) – бечёвка.

чиста по-детски

и – свободна.

Что сверх того – то миражи,

то злые чары

злых пигмеев

и домыслы лихих вралей...

И д у.

И нет пути прямее

на этой

праведной

Земле...

«Четвёртый час...»

Четвёртый час.

На улице светло, и не темнело...

Чёртов день полярный,

когда он кончится?!

Сквозь серое стекло

смотрю наружу —

шкандыбает пьяный

по серым лужам вброд

и в серый дождь

серо скулит, от умиленья тая:

«Я зна-аю, меня ты не ждё-ошь

и писемь маих не чита-аешь...»

И дальше что-то там о Колыме.

А ну его... Той Колымы не нюхал он никогда,

хоть искренно вполне

по ней страдает;

ждёт его Анюта

(иль Маша, Зина – как её ещё?..)

со скалкой у двери – к чему ей письма!..

И будет бит он.

И затем прощён,

и ляжет с ней...

А ты – чего-то ищешь,

как надолбы, проблемы громоздя,

копаясь в тонкостях,

захлёбываясь в спорах...

Всё очень просто:

не было гвоздя —

король разбит,

и враг вступает в город.

Всё очень просто.

Ты и есть король,

что чудом спасся.

Сам себе отныне

ты

государство;

твой высокий трон —

кухонный этот стул...

К чему унынье?

К чему тоскливо пялиться в окно

и пьяному завидовать гуляке?

Всё очень просто:

бабы и вино —

вот счастье!..

Но...

Но ты

КОРОЛЬ,

однако.

Богемия. Катастрофа. 1938

...Нас предали генералы.
Мы уходим в леса.
Позвякивают металлом
фляги на поясах —
брякают пусто и плоско...
Но где-то – будет родник!..
...Срезает с неба полоску
к палке прикрученный штык...
Болотной изъедены жижей —
как кислотой, до костей, —
уходим: десяток жизней
и десять тысяч смертей —
добротных смертей!.. Не наших —
наши ещё подождут!..
...Солнца огарок пляшет
в чьём-то чернильном следу...
Мы уходим в молчании – армия
без фельдфебелей, без казарм...
Мы научимся вновь разговаривать,
когда вернёмся назад.
А сейчас мы молчим. И память,
пропалённая болью насквозь,
спотыкаясь, бредёт за нами,
как смертельно раненный лось,
Память... Мы не в бою разбиты,

мы врагов своих знали в лицо.
Просто – нас расстреляли в спину,
безмятежных, безусых юнцов;
просто – боги меняли знамя.
Как портянку. Как презерватив...
Мы им верили. Мы – не знали!..
Но теперь нас – не провести.
Мы теперь стали старше бессмертных
и мудрее древней змеи...
Мы теперь только в землю верим —
в правду нас породившей земли.
Мы уходим. Но мы – вернёмся:
мы богам задолжали мечь!
...Штык на палке о солнце бьётся,
словно
огненный меч...

«А день становится вчерашним...»

А день становится вчерашним,
и сон по городу – чумой...

И в кухню заточён, как в башню,
вновь зажигаю факел мой,
иду в себя, как в катакомбы —
себя искать в который раз...

Я столько видел, не упомяну,
стеклянных слов, и плоских глаз,
и лиц, похожих на другие,
как спины пасмурные дней...

Любил я. И меня любили,
порой – шутя, порой – сильней,
порою... Впрочем, что за дело
тебе, читатель, до того?

Кому я пел, о чём не пел я,
каких я почитал богов,
кому я и о чём молился —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.